

Палестинское путешествие И.А. Бунина 1907 года: хроника и контекст

© 2022, Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-012-41004 «И.А. Бунин и Палестина».

Аннотация: Статья продолжает тему, которая была заявлена в предыдущей работе авторов. В настоящей работе подробно восстановлена хроника главного паломничества И.А. Бунина по Палестине в апреле-мае 1907 г. На основании всех имеющихся документальных данных предпринята попытка воссоздать конкретную ткань тех дней, когда И.А. Бунин и В.Н. Муромцева совершали свое «первое дальнее странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во святую землю Господа нашего Иисуса Христа» («Роза Иерихона»). Вместе с тем отмечено, в каких произведениях Бунина отразились непосредственные впечатления той поездки и какие следы она оставила в художественном и личном мировоззрении писателя. Однако, в отличие от многих исследований, посвященных теме Востока в творчестве И.А. Бунина, эта работа носит прежде всего биографический, хроникальный характер.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Палестина, биография, путешествия, сборник «Храм Солнца» (1917).

Информация об авторах: Татьяна Михайловна Двинятина — доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-6910>

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Для цитирования: Двинятина Т.М., Морозов С.Н. Палестинское путешествие И.А. Бунина 1907 года: хроника и контекст // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 64–94. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-64-94>

Палестинскому путешествию 1907 г. суждено было стать главным «паломничеством» Бунина на Ближний Восток. Ему предшествовало знакомство (в ноябре 1906 г.) с Верой Николаевной Муромцевой, ставшей с тех пор его гражданской женой, — именно она и настояла на этом маршруте [8, с. 294].

Палестиной в то время считалась область, расположенная от восточного берега Средиземного моря до Аравийской пустыни, от горы Хермон (Бунин называет ее Гермон) на севере до залива Акаба на юге. Хроника поездки с некоторыми дополнениями и поправками восстанавливается по дневниковым записям Бунина¹, некоторым главам в книге В.Н. Муромцевой-Буниной «Беседы с памятью» (первая из них символично называется «Новая жизнь»), которые во многом перекликаются с путевыми очерками Бунина², и письмам, посланным ими с дороги. Кроме того, само собой разумеется, что узловы́е моменты и главные впечатления путешествия отражены в стихах и путевых очерках Бунина, собранных в книге «Храм Солнца», имеющих собственный хронотоп и носящих не только документальный, но и художественный характер³. В данном изложении мы ограничимся минимальными отсылками к ним: дальнейшие параллели между бунинскими произведениями и событиями конкретных дней могут быть предметом специального рассмотрения, уже вне этой статьи.

Собственно хроника этих дней выглядит следующим образом.

10 апреля около 6 часов вечера Бунин и Муромцева уезжают из Москвы с Брянского вокзала. Их провожают мать и отец В.Н. Муромцевой Лидия Федоровна и Николай Андреевич Муромцевы, ее братья, Дмитрий Николаевич и Павел Николаевич Муромцевы, брат Бунина Юлий Алексеевич, двоюродные племянники Бунина Николай Алексеевич и Дмитрий Алексеевич Пушешниковы, московские друзья Е.Е. и З.Е. Шрейдеры, С.К. Одарченко и др. «Погода была скверная, моросил дождь, — приметы, как говорят, хорошие» [8, с. 295].

¹ Как будет ясно из дальнейшего изложения, сохранились записи Бунина от 25 апреля (авторская датировка «23 апреля» ошибочна, см. далее), с 6 по 13 мая, затем от 15 и 16 мая 1907 г., см.: [7, с. 22–26].

² Вполне возможно, что В.Н. Муромцева тоже вела путевой дневник, на основе которого позже были созданы «Беседы с памятью», но ее записи 1907 г. не известны.

³ Маршрут, который можно восстановить по очеркам Бунина, отличается от реального. В «Храме Солнца» после Стамбула и Греции (очерки «Тень Птицы», «Море богов») идет подробное описание Египта («Зодиакальный свет») и только потом Палестины («Иудея» и др.). В реальной хронологии впечатления «египетских» очерков относятся к пребыванию в Александрии и Каире на обратном пути *после* Палестины. Здесь и далее за основной вариант заглавий путевых очерков Бунина приняты заглавия, зафиксированные в издании «Храма Солнца» 1917 г.; изменения заглавий и редакций текстов оговариваются отдельно.

Назавтра, **11 апреля**, около 6 часов вечера они приезжают в Киев. «Три-четыре часа отдыха от вагонной тряски. Взяли извозчика и поехали в Софийский собор. Там почти жуткие впечатления сумрачности, древности. Затем Крещатик с нарядной, уже по-южному легко одетой толпой. <...> С обрыва, над которым высится памятник св. Владимиру, открываются бесконечные дали <...>» [8, с. 297].

12 апреля — Одесса. На вокзале Бунин и Муромцеву встречает П.А. Нилус, вместе с ним и А.М. Федоровым они завтракают в ресторане «Петербургской гостиницы», где Бунин с Нилусом «сочинили очень тонкий завтрак из южных блюд», а Федоров, «большой любитель плаваний по морям, уже побывавший в Японии и недавно вернувшийся из Нью-Йорка», рассказывал о своих восточных странствиях. Это первая встреча Муромцевой с близкими друзьями Бунина в Одессе. Потом Бунин узнает пароходное расписание и покупает билеты до Константинополя на послезавтра, 14 апреля. В этот момент у него еще нет точного плана: «Доплывем до Константинополя, понравится — пойдем дальше, не понравится — сядем в экспресс и через двое суток в Вене». «Ян был очень возбужден Одессой, свежим весенним утром, предстоящим путешествием и с какой-то необыкновенной радостью стал поименно называть мне пароходы, объяснять, какому обществу принадлежит тот или другой <...>». Вечер Бунин проводит в компании своих друзей, членов Товарищества южнорусских художников [8, с. 298–301]⁴.

На следующий день, **13 апреля**, накануне отплытия, Бунин и Муромцева выбирают себе каюту на пароходе, на котором Бунин чувствует себя «как у себя дома». В пять часов вечера едут на дачу А.М. Федорова в Отраду, туда же приезжают П.А. Нилус, В.П. Куровский, Т.Я. Дворников. За столом шутят, говорят о литературе, Федоров и Бунин читают свои стихи, Бунин читает «Стамбул». Муромцева слышит его впервые, очевидно, что Бунин готовит ее ко встрече с этим городом. Затем все отправились в пивную Брунса, которая «была тогда одной из достопримечательностей Одессы» и куда «к 11 часам вечера стеклись все художники, желавшие легко и дешево закусить», и засиделись там допоздна (см.: [8, с. 301–304]).

Наконец, **14 апреля** пароход отправляется в рейс. Буниным владеет обычное возбуждение от предстоящей дороги. «Ян уже весь в нетерпении», — записывает Муромцева. В каюте он достает взятые

⁴ Здесь и далее ссылки на источники внутри изложения событий одного дня как правило даются суммарно; в случае нескольких источников соотнесенность их с цитатами определенно следует из контекста. За уточнение топонимических реалий бунинского путешествия благодарим Н. Хеймец и М.С. Цавлинского.

с собой книги, между ними Саади. «Он не говорит, но я чувствую, что и ему хотелось бы совершить подобный жизненный путь» (см.: [8, с. 305–306])⁵. В открытке, посланной по прибытии матери Муромцевой, Л.Ф. Муромцевой, сказано: «Доехали до Константиноп^оля» очень спокойно. Не качало» [3, с. 47].

15 (28) апреля⁶ пароход входит в Босфор и прибывает в Константинополь. На подходе к городу Бунин вспоминает знакомые места. «Ян называет мне дворцы, мимо которых мы проходим, сады, посольство, кладбище <...> он знает Константинополь не хуже Москвы... /7<...> говорит о ветхости и запустении этого, по его словам, самого лучшего города в мире». Еще с борта парохода Бунин замечает знакомого проводника: «Толстый в очках человек с зонтиком под мышкой приветливо машет ему черной шляпой. Это и есть тот самый Герасим <...>» [8, с. 308]. В первый же день, остановившись на афонском подворье, Бунин и Муромцева посылают открытки родным и знакомым в Москву и идут в город. Брату Муромцевой Всеволоду Николаевичу пишут: «Сегодня уже успели пошататься по Константинополю» [3, с. 47]. Афонское подворье находилось в Галате, на европейском берегу Босфора. По воспоминаниям Муромцевой, от подворья они спустились к Золотому Рогу, по мосту Валидэ перешли на другой берег бухты, «в тихий и темный Стамбул. / Да, здесь смесь Византии и Востока, Турции. Ян восхищается всем турецким, а византийское его раздражает», — повторяет Муромцева главный вывод уже первого бунинского посещения этого города. «Мы долго бродим вокруг мечетей по темным улочкам, мимо деревянных домов с выступами и решетчатыми окнами... Потом попадаем на ухабистую площадь с тремя памятниками: это знаменитый Византийский ипподром. Белеет сквозь сумрак султанская мечеть Ахмедия со своими минаретами. Вокруг ветхость и запустение, это необыкновенно идет к Стамбулу. / <...> В Галате заходим в кофейню и пьем настоящий турецкий кофе» [8, с. 309]⁸.

⁵ Ср. цитаты из Саади в очерке Бунина «Тень Птицы», в т. ч.: «Родившись, употребил он тридцать лет на приобретение познаний, тридцать на странствования и тридцать на размышления, созерцание и творчество» [4, т. 9, с. 315], — Муромцева-Бунина приводила ее, когда писала о первой поездке 32-летнего Бунина в Константинополь [8, с. 226].

⁶ Даты, относящиеся к пребыванию Буниных за границей, даны по юлианскому и григорианскому (в скобках) календарям.

⁷ Здесь и далее знаком «слэш» (/) обозначены абзацные отступы в небольших цитатах, включенных в общее изложение.

⁸ Тут же Муромцева-Бунина замечает: «На каждом шагу собаки, безмятежно спящие среди улиц», — и спрашивает Бунина начальными строками недавно услышанного стихотворения «Стамбул»: «Облезлые худые кобели... Потомки тех,

На другой день, **16 (29) апреля**, Бунин и Муромцева в сопровождении Герасима гуляют по городу, приходят к Сералю, главному дворцу Османской империи, расположенному на мысу, который разделяет Золотой Рог и Мраморное море. Заходят в Айя-Софию — ей Бунин уже посвятил одноименное стихотворение («Айя-София»), и если судить по воспоминаниям его жены, то в это посещение повторяются бунинские впечатления первой поездки (возможно, Муромцева была подготовлена известным ей текстом и обращала внимание на детали, уже описанные Буниным⁹). Проходят Большой Базар, обедают в «восточном ресторане», поднимаются на Галатскую Башню. Здесь сказывается разность восприятия: радостного открытия — у Муромцевой, философской печали, оксюморонного выражения и его собственного мирозерцания — у Бунина. «Выйдя на вышку-балкон, опоясывающий Башню, я положительно забываю все; Малоазиатский берег с волнистыми хребтами, Мраморное море, Босфор с крохотными судами, весь Константинополь со своими пригородами — всё у нас под ногами... <...>

— И все это Поля Мертвых, — грустно говорит Ян. — И в этом запустении и умирании и есть бесконечная прелесть этой страны.

что из степи пришли?» — Бунину это нравится [8, с. 309]. Можно было бы сказать, что в Галате впервые проявила себя его Галатея.

⁹ Так, в мемуарах жены остается главное впечатление: «Все огромное пространство храма так наполнено светом и солнцем, что охватывает радость. Вверху летают голуби...», — и оно варьирует строки бунинской «Айя-Софии», которые она вспоминает и цитирует тут же:

А утром храм был светел. Все молчало
В смиренной и священной тишине,
И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине.

И голуби в нем, рея, ворковали,
И с вышины, из каждого окна,
Простор небес и воздух сладко звали
К тебе, Любовь, к тебе, Весна! [8, с. 311].

Примечательно, что не попавшие в мемуары детали, отраженные в начальных строках построенного на контрастах стихотворения Бунина (чтение Великим Шейхом Корана перед молящимися, отнесенное к вечернему времени), появляются в тексте открытки, которую Муромцева на другой день пишет А.Г. Гусакову: «Айя-София очаровательна. Интересно, как там преподают Коран. На полу сидит “профессор”, а вокруг него “студенты” слушают “лекцию»» (цит. по: [5, с. 653]). Ту же картину, как «будущие служители Аллаха» сидели «вокруг почтенного муллы» и «отвечали наизусть Суры Корана», Бунины застанут и при посещении Айя-Софии на обратном пути в Одессу, 20 мая (2 июня) (см.: [8, с. 364]), а также стихотворение Бунина «Люцифер» (1908), начинающееся словами: «В святой Софии голуби летали, Гнусил мулла <...>».

Последние два часа мы решили провести, по совету Герасима, на Сладких Водах¹⁰. Наняли ялик с бархатными подушками и медленно поплыли» [8, с. 309–313]. Вечером они возвращаются на пароход, который наутро продолжает свой путь на юг¹¹.

Весь следующий день, **17 (30) апреля**, занимает плавание по Мраморному морю, — позже Бунин посвятит ему путевой очерк «Море богов». Утром пароход проходит вдоль стамбульских берегов, и Муромцева описывает их так: «Справа тянулись стены дворца Константина, а слева, на скутарийском берегу, темная стена кипарисов. Впереди, в голубой дымке, смутно намечались Принцезы острова, а за ними в небесной высоте — Малоазиатские горы со своим снежным Олимпом». По ее словам, Бунин «говорил об “алтарях” солнца, то, что он потом развил в своей книге “Храм Солнца”, высказывал пожелание уехать на несколько лет из России, совершить кругосветное путешествие, побывать в Африке, Южной Америке, на островах Таити...» [8, с. 314]. Вечером корабль проходит мимо Галлиполи и уже совсем в темноте — через Дарданеллы. Кажется, как раз вернувшись с палубы в каюту, Бунин пишет Д.А. Пушешникову едва ли не самое большое из сохранившихся писем этой поездки:

«17-го апр. 9 часов вечера. Сейчас прошли Дарданеллы. Уже темно, видели только разноцветные огни на берегах. Весь день прохладно, приятно и штиль. Пока — путешествие дивное. Целую. Вера кланяется. Ив. Бунин» [3, с. 48].

18 апреля (1 мая) пароход прибывает в греческий порт Пирей. Еще утром, когда шли мимо островов Архипелага¹², Бунин вспоминает Аю-Даг и Балаклаву, выходит с биноклем на палубу и смотрит на Акрополь, который поражает его своей древностью: «Акрополь — совсем из какого-то другого мира, тогда и человечество было другое», — говорит он Муромцевой. После завтрака они едут на поезде в Афины, там нанимают экипаж, и, когда подъезжают к Акрополю, Бунин «выскакивает из экипажа, бежит к входу, пробитому в гранитной стене, окружающей Акрополь внизу, и быстро

¹⁰ Район богатых villas на азиатском берегу Босфора.

¹¹ Билеты на дальнейший путь Бунин купил, видимо, прямо в этот день или накануне.

¹² «Архипелаг» как имя собственное используется для обозначения группы островов в Эгейском море. Стихотворение Бунина «В Архипелаге» (1908), во многих своих чертах совпадая с описанием этого (и следующего) дня в книге Муромцевой-Буниной (вплоть до сна, внезапно наступившего Бунина на другой день на палубе корабля в море), все-таки не является поэтическим переложением реальных событий, отвергая эту направляющуюся возможность уже в первых словах: «Осенний день в лиловой крупной зыби...». См. также далее о впечатлениях от Архипелага 17 (30) мая (на обратном пути из Пирея в Одессу) и примеч. 39.

поднимается по широкой мраморной лестнице к Пропилеям». Потом они сидят на ступенях Парфенона, смотрят на простирающуюся перед ними даль, Бунин «поднимает небольшой кусок мрамора и говорит, что ни за что не расстанется с ним, тайком унесет с собой...». К 6 часам вечера Бунин и Муромцева возвращаются на пароход, едва успевая к его отплытию — дальше, через Эгейское море на Крит (см.: [8, с. 315–317]).

Весь день **19 апреля (2 мая)** — на корабле. Он идет мимо Крита, не останавливаясь. Бунин и Муромцева «сидели в креслах на спардеке, говорили о том, что завтра Африка, Египет, Александрия... Зной чувствовался уже на пароходе <...>» [8, с. 317].

«На следующее утро <**20 апреля (3 мая)**> мы с волнением увидели берег Африки. <...> Медленно надвигался на нас песчаный берег с белым городом, с финиковыми пальмами, необыкновенно высокими и тонкими» (там же). В Александрии, сойдя на берег, Бунин и Муромцева нанимают экипаж и едут в гостиницу недалеко от порта, остаются там, пока не спадет жара, пишут открытки родным и друзьям. Бунин пишет Н.А. Пушешникову, М.П. Чеховой, с которой они еще в прошлом году думали о совместных путешествиях: «Кланяюсь Вам, дорогой друг, из Африки!», и короткое деловое письмо в контору «Знания» С.П. Боголюбову, заканчивающееся словами: «Шатаюсь по Востоку. Из Египта иду в Сирию и Палестину» (см.: [3, с. 48–49]). Затем выходят в город, берут билеты на завтрашний пароход до Яффы, заходят на почту и осматривают достопримечательности, которых «немного: катакомбы, <...> Колонна Помпея, маяк, конный памятник Али — вот, кажется, и все». Но в отсутствии памятников «бросается в глаза смешение туземных кварталов с европейскими домами и отелями на широких улицах и просторных площадях». И вообще, в Александрии «еще больше, чем в Константинополе, поражает пестрота Востока, смешанная с щегольством Европы». Ужин — в ресторане, где подают «необыкновенно вкусный кебаб — род шашлыка на коротеньких деревянных палочках» и к нему красное вино, которое кажется «очень терпким и тяжелым». Вечером Бунин «был так хорошо настроен, что даже читал <...> стихи» (см.: [8, с. 318–319]). Впечатления от Александрии отразились и в путевом очерке Бунина «Зодиакальный свет» (позднее заглавие «Свет Зодиака», при этом часть первоначального текста была выделена Буниным в очерк «Дельта»).

Утром **21 апреля (4 мая)** в кафе Бунин и Муромцева пишут еще несколько открыток. Это Страстная суббота, их мысли обращены к родным, которые готовятся к Пасхе, в то время как им предстоит

провести Светлую ночь в открытом море. После завтрака Бунин «томительно-долго» ходит по табачным лавкам, а потом уже пора собираться на пароход. Среди его пассажиров они замечают русских евреев, направляющихся в Иерусалим, одно лицо кажется им знакомым, — назавтра оказывается, что это пианист Давид Соломонович Шор, который вместе со своим отцом Соломоном Моисеевичем тоже плывет в Палестину: у Д.С. Шора там намечены концерты, для его отца это первое долгожданное посещение Земли обетованной. Муромцевой Д.С. Шор известен по музыкальным вечерам в Москве (см.: [8, с. 319–320]).

На другой день, **22 апреля (5 мая)**, маленький пароход, на котором плыли путешественники, ненадолго пристает в Порт-Саиде на северо-восточном побережье Египта. Муромцева-Бунина описывает его как «плоский треугольный городок с очень высокими домами, гостиницами, построенными из стекла и железа». Оттуда снова посылаются несколько открыток в Россию. Тем же днем пароход совершает следующий переход: из Порт-Саида — в Яффу. На берегу «происходит процедура с паспортами... И наконец вступаем во Святую землю»¹³. Еще не поздно: Бунины останавливаются в том же отеле, где Шоры, и «часа в четыре» выходят «побродить по городу». Меняют деньги, снова пьют турецкий кофе («привыкаем пить его по несколько раз в день»), осматривают базар, выходят на окраину Яффы. Бунин «говорит о Христе, о том, что он “чувствует Его живым, каким Он ходил по этой знойной земле”...» (см.: [8, с. 320–322]). Вечер проводят, видимо, вместе с Шорами, обсуждая дальнейший маршрут: решают завтра ехать в Иерусалим.

Наутро **23 апреля (6 мая)** Бунин и Муромцева идут на базар запастись едой на дорогу. Позже, сравнивая базар в Яффе с другими, Муромцева скажет: «<...> Яффа еще не Палестина в смысле религиозном, здесь только Восток, здесь нет ни строгости Иудеи, ни нежности Галилеи. Яффа могла бы быть приморским городом какой угодно восточной страны». В полдень Бунины и Шоры отправляются в Иерусалим. Поезд идет по долине, в окнах видны «Лидда и Рамлэ — крохотные арабские городки с ярко-белыми домиками»,

¹³ «Процедура с паспортами» заключалась в том, что паспорта Бунина и Муромцевой были отданы вместе с паспортами Шоров: они, как еврей-паломники, получали вместо паспортов «розовые билеты», имевшие ограниченный срок действия и не дававшие права свободного передвижения. Чтобы вернуть паспорта Бунин перед поездкой в Галилею посетил русского консула в Иерусалиме А.Г. Яковлева, тот в просьбе отказал, и паспорта Бунину и Муромцевой были возвращены только в Яффе, откуда они и отправились в Галилею, см. ниже, события 8–11 (21–24) мая 1907 г. Это и ряд других существенных обстоятельств бунинского путешествия описаны в [9].

по местам, «где Давид сразил Голиафа, где Иисус Навин воскликнул: “Стой, солнце!”»¹⁴, — начинается «как бы овеществление Библии». Железная дорога поднимается по Иудейским горам наверх, под вечер поезд прибывает в Иерусалим. Бунины вместе с Шорами и, видимо, по их совету едут «в какой-то еврейский пансион» в Новом Иерусалиме, находящемся к северо-западу от Старого города¹⁵. «Здесь, на скатах холмов, много вилл, садов, маслиновых рощ, каких-то больших скучных белых зданий: это всякие приюты, школы, госпиталя, миссии различных вероисповеданий»¹⁶. Вечером Бунин и Муромцева гуляют, Бунин снова «говорит о Христе» и дает Муромцевой читать Евангелие (см.: [8, с. 322–323]).

В течение следующей недели Бунин и Муромцева живут в Иерусалиме, совершая оттуда поездки по окрестностям. Позже Бунин опишет их в очерках «Иудея» (в издании 1931 г. из него будет выделен очерк «Камень»), «Пустыня дьявола», «Мертвое море» (позднее заглавие «Страна Содомская») и «Геннисарет».

24 апреля (7 мая) они осматривают Старый город. Еще до завтрака идут через Западные (Яффские) ворота мимо Цитадели (Башни) Давида к Храму Гроба Господня, застают там греческую службу (это Светлая Среда). Муромцева-Бунина подробно рассказывает о своих переживаниях, только один раз объединяя их с бунинскими: «Голгофа — второй этаж церкви. Тут мы довольно долго стоим в сумрачной тишине, в каком-то жутком оцепенении... Православная служба идет внизу, в подземной церкви. Но мы еще во власти впечатления от Голгофы, и блеск, пышность богослужения оставляют нас холодными». На обратном пути в отель Бунин договаривается с хозяевами другой гостиницы. Это «Central Hotel» у Яффских ворот¹⁷, через два дня в нем освободится комната, Бунины переедут в него, чтобы жить внутри стен

¹⁴ Сюжет, который лег в основу стихотворения Бунина «Стой, солнце!» (1916).

¹⁵ Видимо, это был «Kaminitz Hotel» на пересечении ул. Яффо и современной ул. Пророков (Ха-Невиим), принадлежавший семье Каминиц, которая владела сетью отелей в Хевроне, Яффе, Иерихоне и Иерусалиме. Сохранился счет Бунина за проживание, оплаченный 30 апреля (13 мая) 1907 г.: ОГЛИМТ. Ф. 14, № 2945/6 оф.

¹⁶ Среди отмеченных Муромцевой примет «русские паломники <...>, францисканские монахи в сандалиях на босу ногу, опоясанные веревкой, евреи с пейсами в круглых черных шляпах <...>, мрачные, греческого типа монахи, наконец, обыкновенные туристы, которые здесь кажутся очень необыкновенными...», — все эти «населники» Святой земли еще не раз будут упоминаться в «Беседах с памятью», а францисканский монах появится в стихотворении Бунина «Смерть» (1907; поздний вариант этого заглавия — «Воскресение»).

¹⁷ «Central Hotel» (гостиница «Центральная») принадлежал И. Амдурскому. Сохранился счет Бунина за проживание, он оплачен 13 мая (год не указан, по всей видимости, это был именно 1907 г.): ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2945/56 оф. См. описание этого отеля в рассказе Бунина «Весной, в Иудее» (1946). Историю обоих адресов Бунина в Иерусалиме см.: URL: <https://new.antho.net/wp/jj03-goldman/>.

Старого города. В своем пансионе Бунин и Муромцева завтракают с Шорами и соглашаются на предложение (видимо, старшего из них) поехать завтра в Хеврон и Вифлеем. Во второй половине дня нанимают «фаэтон» (Муромцевой привычнее называть его коляской, и она берет это слово в кавычки; в бунинских очерках оно идет без них) и, огибая Иерусалим с севера, едут на Елеонскую (Масличную) гору. Дорога идет мимо Дамасских (Шхемских) ворот и затем по долине Кедрона, она же Иосафатова долина и место будущего Страшного Суда¹⁸, о чем Бунин рассказывает по пути своей спутнице, и она признается: «Меня все более удивляют его знание Библии, Корана и его замечательная память». На Елеонской горе посещают «православный храм» (видимо, Спасо-Вознесенский монастырь), поднимаются на его колокольню (ее высота 64 м, и это самое высокое здание в городе). Уже вечереет, они оглядываются, смотрят, как солнце «обливает» Иерусалим «золотым блеском», и различают на востоке «ярко-голубую полоску — Мертвое море». На обратном пути думали остановиться у Гефсиманского сада и Гробницы Богородицы — вероятно, так оно и было, но Муромцева-Бунина пропускает их в своем описании и рассказывает дальше: «У Дамасских ворот мы отпускаем извозчика и идем в Иерусалим тем же путем, каким шел Христос на Голгофу, то есть по Виа Долороза. Все время этого крестного пути мы находились в каком-то напряженном состоянии, и сейчас, когда я пишу, я еще испытываю жуткое чувство...» (см.: [8, с. 323–326]).

Поездка Буниных с С.М. и Д.С. Шорами по Иудейским горам, в Вифлеем и Хеврон **25 апреля (8 мая)** оказывается одним из самых поэтически насыщенных событий всего путешествия¹⁹. Через Гигонскую (Енномову) долину и долину Рефаимов, имеющих «жи-

¹⁸ См. стихотворение Бунина «Долина Иосафата» (1908).

¹⁹ Описание Муромцевой-Буниной насыщено дорожными приметами, которые попадают в бунинские стихи: «встречные овечьи отары с ветхозаветными пастухами в полосатых абаях» (они привлекли внимание Буниных и в следующие дни) — в стихотворение «Бедуин», черные козы — в стихотворение «Бог полдня» («Я черных коз пасла с меньшей сестрой...»), звезда на полу храма Рождества Христова (на том месте, где стояли ясли) — в стихотворение «Источник Звезды. Сирийский апокриф», услышанное от Шоров предание о том, как кровь убитых окрашивает цветы мака, — в стихотворение «Иерусалим», сам Хеврон — в стихотворение «На пути под Хевроном...», гробница Рахили, которую путники посетили в Хевроне, — и в предыдущее из названных стихотворений (с финальным «и темно было в древней гробнице Рахили»), и в стихотворение «Гробница Рахили», и т. д. Видимо, Буниным владело в тот день приподнятое поэтическое настроение, в Вифлееме он «неожиданно прочел» свое стихотворение «Авраам. Коран, IV» — переложение одного из сказаний шестой суры Корана о том, как Бог наставлял Авраама в вере. Очевидно, что всё виденное и прочувствованное Буниным во время палестинского путешествия оставило глубокий след в его душе и творчестве, но даже на этом фоне 25 апреля выделяется особо.

вописный и радостный вид», они приезжают в Вифлеем и посещают храм Рождества Христова. Потом завтракают, и Бунин покупает себе пробковый шлем²⁰. За Вифлеемом характер дороги резко меняется: паломникам кажется, что перед ними «настоящая Иудея», безлюдная местность, в которой почти нет «возделанной земли — только сизо-серые глыбы и повсюду мак»²¹. Перед Хевроном путешественники осматривают водоемы Соломона и «остатки крепости Саладина» (так Муромцева называет руины турецкого форта, построенного в XVII в. для солдат, охранявших бассейны с водой и торговые пути, идущие мимо них). В Хевроне, который находится «в руках мусульман» и кажется Буниным грязным «даже для восточного города», они приходят к пещере Патриархов, где похоронены Авраам, Исаак и Иаков и их жены Сарра, Ревекка и Лия. На обратном пути заезжают поклониться гробнице Рахили (это «небольшая белая ротонда под куполом» на северной окраине Вифлеема). Спускается ночь, «кругом тишина, пустыньность, звезды», «ощущение поэзии этого мирного вечера над могилой праматери» нарушается скандалом местных жителей, и путники в молчании возвращаются в Иерусалим (см.: [8, с. 327–329]). К этому дню относится первая за всю поездку запись Бунина, кратко фиксирующая события дня: «На пути из Хеврона, в темноте, вдали огни Иерусалима. Часовня Рахили при дороге. Внутри висят фонарь, лампа и люстра с лампадками. Но горит, трещит только одна из них. Старик Шор зашел за большую гробницу, беленую мелом, прислонился к стене и начал, качаясь, молиться. / Наш извозчик еврей из Америки. Когда вышли, услышали крик в темноте возле нашей повозки: он чуть не подрался с каким-то проезжим, дико ругался, не обращал ни малейшего внимания на гробницу своей праматери»²².

На **26–27 апреля (9–10 мая)** была намечена поездка на Мертвое море. Утром 26 апреля Бунин и Муромцева еще идут к Стене Плача. По пути заходят в ту гостиницу, которую присмотрели позавчера, и отдают распоряжение насчет переноса туда их багажа²³. Затем,

²⁰ По-видимому, в нем Бунин запечатлен на фотографиях, сделанных во время поездки на Цейлон 1911 г.

²¹ Ср. в стихотворении Бунина «Караван» (1908): «И млечной синью горы Иудеи / Свой зыбкий кряж означили во мгле».

²² См.: [7, с. 22]. Датировка «23 апреля 1907 г.» по всей вероятности, является ошибкой Бунина при позднем переписывании. В записях Д.С. Шора фиксируется несдержанное поведение Бунина в этой ситуации, см. в частности [9, с. 135].

²³ Вероятно, тогда же зашли и на почту, см. почтовую открытку Бунина А.Н. Чеботаревской («Поклон из Ерусалима!»), датированную этим днем. Позже, вечером этого дня, уже из Иерихона, Бунин пишет короткие открытки Ю.И. Айхенвальду и В.С. Миролубову. См.: [3, с. 49–50].

как и было условлено накануне, вместе Д.С. Шором (он попросил взять за компанию еще одного человека) отправляются в Вифанию. «До Вифании мы не останавливались и уже как на знакомые места смотрели на Кедрон, Иосафатову долину, на Гефсиманский сад, на Елеонскую гору». Преодолев около 30 км с двумя привалами — в Вифании («крохотное селение, состоящее из серых домиков, фиговых деревьев, кривых улочек, чумазных детей, убогих стариков» и т. д.), где они посетили могилу Лазаря, и у источника Апостолов, где поили лошадей, а внимание Бунина вновь привлекли бедуины²⁴, — путники к вечеру добираются до Иерихона (перед ним еще заезжают к горе Искушения на северо-западной окраине города). Переживание звездной тропической ночи, напоенной «всевозможными ароматами <...> и звоном цикад», осталось в стихотворении Бунина «Иерихон», его очерке «Пустыня дьявола» и подробно описаны в воспоминаниях В.Н. Муромцевой-Буниной (см.: [8, с. 329–332]).

27 апреля, затемно выехав из Иерихона, расположенного к северу от Мертвого моря, путешественники едут на восточный берег и встречают рассвет в Моаве. Муромцева-Бунина описывает это как одно из самых сильных переживаний тех дней: «Поднимаемся на пригорок и ждем. <...> / И когда этот шар <т. е. солнце> “вырвался” <из-за гор> и залил своим блеском всю лежащую перед ним страну, мы сразу почувствовали всю мощь его и тот страх, который он внушал древним и заставлял обожествлять себя. Недаром по всей этой пустыне разбросаны огромные каменные диски, которые попадались и нам по пути, — жертвенники Ваалу-Солнцу». Далее путники отправляются к Иордану («на первый взгляд — небольшая речка средней России <...> Как-то не верится, что это именно было здесь Крещение Господне <...>») и на Мертвое море, впечатления от которого оказались смазаны из-за жгучего зноя, усталости и дремоты. Обратный путь в Иерусалим «был очень тяжек», но вечер на крыше нового отеля — «И до чего там было хорошо!», — видимо, искупил тяготы дороги (см.: [8, с. 333–334]).

Следующий день, **28 апреля (11 мая)**, Бунины провели в Иерусалиме. Сначала вместе с Д.С. Шором были на могиле царя Давида и, видимо, в Куполе Скалы на Храмовой горе (Муромцева-Бунина следует распространенной ошибке и называет его мечетью Омара); туда нужны были пропуска, их доставал Шор. Затем уже вдвоем — в храме Гроба Господня и, выйдя за стены Старого города, дошли до Сионской горницы на вершине горы Сион, где совершалась Тайная

²⁴ См. примеч. 1.

Вечеря («Небольшая, с низким потолком комната, неправильной формы, длинный узкий стол»). Вечером простились с Шором: на завтра он «ехал в Яффу давать концерты, потом в еврейские колонии» (см.: [8, с. 335–336]).

Утром **29 апреля (12 мая)** оказывается, что в Иерихоне насекомые искушали Бунину руки, и надо идти в аптеку, где ему прописывают «смазывать вспухнувшие места какой-то желтой мазью». Потом Бунин уходит, оставляя Муромцеву в отеле: ему «очень хотелось объехать верхом вокруг стен Иерусалима»²⁵, а она нуждается в отдыхе. Через несколько часов Бунин возвращается²⁶, и они вместе снова идут в храм Гроба Господня. По дороге покупают «Библию на тончайшей бумаге, а на паперти Храма кипарисовые четки, перламутровые образки, деревянные кресты и ящички», Муромцева несет освятить их к Гробу Господню. До заката бродят по городу, проходят по Виа Долороза и проводят последний вечер на крыше своего отеля. Еще утром они получили телеграмму от Шора: «Послезавтра отходит пароход в Бейрут, если едете, то будьте завтра в Яффе» — и решили воспользоваться этим предложением (см.: [8, с. 336–338]).

Перед отъездом из Иерусалима **30 апреля (13 мая)** Бунин и Муромцева идут на базар за провизией в дорогу. «Затем уже знакомое: фаэтон, вокзал, маленький поезд, путь в Яффу... Яффа, базар, взморье на закате. Наш пансион, Хаим²⁷, Шоры. Все нам рады. Вечером разработка плана дальнейшего путешествия. Выбираем морской путь до Бейрута, а оттуда на Баальбек, Дамаск, Генисаретское <так!> озеро, Тивериаду, Назарет, Кайфу, Порт-Саид, Каир и Александрию, из Александрии же прямо в Одессу, из Одессы в Москву, а на лето в деревню» [8, с. 338].

Видимо, Бунины и Шоры еще на два дня задержались в Яффе. Они могли осматривать сам город или ездить по его окрестностям, возможно, хлопотали о паспортах — более точными сведениями на сей счет мы не располагаем²⁸. Только вечером **3 (16) мая** Бунины и Шоры уплыли из Яффы в Бейрут и прибыли туда на следующий

²⁵ В юности Бунин часто ездил на лошади, но это, кажется, единственное свидетельство, что он ездил верхом и в Палестине.

²⁶ Тогда между ними происходит разговор, в котором Бунин объясняет особенность своего творческого восприятия. На вопрос, многое ли он записывает на память, отвечает: «В ранней молодости пробовал, старался, по совету Гоголя, все запомнить, записать, но ничего не выходило. У меня аппарат быстрый, что запомню, то крепко, а если сразу не войдет в меня, то, значит, душа моя этого не принимает и не примет, что бы я ни делал».

²⁷ Неустановленное лицо.

²⁸ Счет за проживание в «KamnitzHotel» оплачен 3 (16) мая 1907 г. (ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2945/8 оф.), см.: [5, с. 662]. В воспоминаниях Муромцевой-Буниной эти

день, — дорога описана в финале очерка Бунина «Иудея» (в издании 1931 г. эта часть стала самостоятельным очерком «Шеол»). В Бейруте «ездили по городу, выезжали за заставу: там много садов, вилл, увитых глициниями и другими цветами. За обедом пили густое палестинское красное вино», сам Бейрут — город «сирийский, восточный, без всяких памятников» (см.: [8, с. 338–340]).

4 (17) мая, в день прибытия в Бейрут, Бунин послал письмо Н.Д. Телешову: «Дорогой друг, совершаем отличное путешествие. Были в Царьграде, в Афинах, Александрии, Яффе, Иерусалиме, Иерихоне, Хевроне, у Мертвого моря! Теперь пишу тебе из Сирии, — из Бейрута. Завтра — в Дамаск, потом в Назарет, Тивериаду, Порт-Саид, Каир и, посмотревши пирамиды, —домой, снова через Афины» (см.: [3, с. 50]). Тем же вечером Бунины «распрощались со стариком Шором, прощанье было сердечное» [8, с. 340].

Утром **5 (18) мая** Бунин и Муромцева вместе с Д.С. Шором на поезде едут в Баальбек. Муромцева передает это так: «Дорога между Бейрутом и Баальбеком красива и разнообразна: сначала море, сплошные сады, виллы в цветах, затем мы поднимаемся по змеевидной дороге, которая на некотором расстоянии делается зубчатой. <...> Едем мы в третьем классе, — на Востоке мы ездим всегда в третьем классе, — здесь обычно можно увидеть что-либо интересное из туземной жизни, всмотришься в лица, в нравы» (ср. рассказ Бунина «Третий класс», основанный на цейлонских впечатлениях 1911 года). Далее следует подробное изложение маршрута: «Чем выше взбирается наш поезд, тем становится все прохладнее. <...> / После Софара²⁹ море пропало, мы уже в глубинах Ливана, и перед нами радостно сверкает над горной цепью какая-то новая снежная гора, вся как бы в серебряных галунах. / Перевал мы делаем около 11 часов утра. Тут уже настоящая горная свежесть, хотя высота и небольшая, всего 5000 футов над уровнем моря. <...> / После перевала — большой туннель. За ним огромная долина, на которой много распаханной земли. Теперь мы находимся между Ливаном и Антиливаном³⁰. <...> /

дни (1 и 2 мая) пропущены. О путанице с паспортами, которая могла привести к задержке в Яффе, см. примеч. 13.

²⁹ Софар (Sawfar, Сафар, Сауфар) — деревня в Горном Ливане, расположена рядом с главной дорогой Бейрут — Дамаск, населена преимущественно друзами.

³⁰ Отсюда Бунин впервые видит Хермон (Гермон), самую высокую гору (2236 м) высот Джаулана, см. стихотворение «Гермон» (1907). То же имя носит горный хребет на восток от Ливана, большую часть года покрытый снегом. Он был виден Бунину во время путешествия по Святой земле в течение нескольких дней с разных точек, см. далее.

В Райяке³¹ пересадка на Баальбек. / Почва тут красноватая, в редких посевах. / — Недаром, — говорит Ян, — существуют легенды, что рай был именно здесь, — вот и та самая глина, из которой Бог вылепил Адама...». В Баальбеке, древнейшем (XIV в. до н. э.) сирийском «городе Ваала» (греческое название города — Гелиополь), путешественники осматривают Храм Солнца. Первоначально посвященный богу солнца и плодородия Ваалу, он был перестроен римлянами и обращен в храм Юпитера. После землетрясения 1759 г. окончательно пришел в упадок: из 52 колонн храма осталось только шесть, каждая двадцать два метра в высоту и около семи метров в объёме. Первый осмотр храма прерывает гроза — Бунины и Шор едва успевают добраться до отеля. Но как только она стихает, снова идут к главной цели своего путешествия. «Мы долго бродим среди этих циклопических развалин, с каким-то недоумением взираем на колонны, которые вблизи кажутся еще более исполинскими». Они остаются там до заката, пока сторож не закрывает вход, и то Бунин еще «отвоевывает» у него «лишние полчаса». За обедом, который по времени скорее соответствует ужину, Бунин «восхищается тем, что он видел у колонн: сочетанием бледно-голубого неба с этими оранжево-красноватыми “поднебесными стволами”, безбрежной зеленой долиной, простирающейся за ними до хребтов, тишиной, нарушаемой лишь шумом воды...». После обеда Д.С. Шор играет Бетховена³², затем все вместе идут гулять. Жена Бунина вспоминает: «Вышли пройтись, полумесяц высоко стоял над развалинами и лил на них свой волшебный свет. Тут Ян неожиданно стал читать стихи. Он читал (все восточные свои стихотворения) как-то особенно, я никогда раньше, да, пожалуй, и потом не слыхала такого его чтения» (см.: [8, с. 340–343]).

Этим же днем датированы короткие восторженные открытки к Л.Ф. Муромцевой и М.П. Чеховой, на следующий день Бунин чуть более подробно пишет Н.А. Пушешникову: «Мы в Сирии, в Баальбеке, где находятся циклопически-грандиозные руины Храма Солнца — древнеримского. <...> Впечатления от дороги среди гор Ливана и Анти-Ливана, а также в Баальбеке не поддаются, как говорится, никакому описанию. Из Дамаска поедем в Тивериаду, на места юно-

³¹ Райяк (Raijak, Рияк) — город в 60 км от Бейрута, важный железнодорожный узел.

³² В жизни Бунина эта ситуация — «рифма» к одному из дней путешествия по Швейцарии осенью 1900 г., во время которого Бунин и В.П. Куровский после долгого перехода оказались в Мюррене: «Там мертвая зимняя горная тишина. Пустой отель опять. Обед в столовой холодной, но славный Куровский играл из Бетховена, и я почувствовал на мгновение все мертвое вечное величие снежных гор» [2, с. 338].

сти Христа, оттуда — в Кайфу возле Яффы, а из Кайфы в Египет, к пирамидам. От пирамид через Афины — домой» [3, с. 50–51].

6 (19) мая утром Бунин «убежал еще раз взглянуть до отъезда на Храм Солнца». Днем путешественники садятся на поезд до Райяка, там завтракают на вокзале в ожидании поезда на Дамаск. «Дамасский поезд идет сначала по той же долине, над которой царствует Гермон. / <...> Чем ближе к Дамаску, тем становится все шире и пустыннее, а земля приобретает тон светло-коричневой глины. / Дамаск — оазис, стоит на ровном месте, окружен садами, из-за которых высятся белые минареты» (см.: [8, с. 343–345]).

Как уже упоминалось выше, сохранились дневниковые записи Бунина с 6 по 16 мая (за исключением 14 мая). Они представляют собой переписанные и перепечатанные на машинке тексты — вполне возможно, выдержки из путевого дневника. В них крайне бегло и фрагментарно зафиксированы точки маршрута и самые броские впечатления дороги³³.

Так, 6 мая после кратких заметок о дороге Бунин записывает первые впечатления от нового города: «4 ч. Дамаск. / Огромная долина среди гор, море садов и в них — весь желто-глиняный город, бедный, пыльный, перерезанный этой быстро бегущей мутно-зеленоватой Барадой³⁴, скрывающейся возле вокзала под землю. Остановились в Hôtel Orient. После чая на извозчике за город. Удивительный вид на Дамаск. Я довольно высоко поднимался на один из холмов, видел низкое солнце и Гермон, а на юге, по пути к Ерусалиму <так!>, три сопки (две рядом, третья — дальше) — синих, синих. Возвращались вдоль реки — ее шум, свежесть, сады» [7, с. 23].

Следующий день, **7 (20) мая**, Бунины проводят в Дамаске. Благодаря Шору и его знакомствам, посещают «какую-то фабрику, где изготавливаются медные вещи» (покупают там «на память несколько пепельниц³⁵ и медную чернильницу с ручкой-пеналом, которую можно засунуть за пояс»), попадают «в чей-то очень богатый дом», «совершенно восточный, с внутренними двориками, где журчит фонтан, с какими-то переходами, балкончиками и галереями», угощаются там кофе, осматривают «главную мечеть», ходят по базару, смотрят там «на ковры необыкновенных тонов, и на шарфы, вышитые золотом и серебром, и на кашемировые шали, и на оружие, на изделия из

³³ См. примеч. 1.

³⁴ Барада (Вади-Барада) — долина вблизи Дамаска, образована одноименной рекой.

³⁵ Возможно, среди них была и пепельница, описанная В.П. Катаевым в книге «Трава забвения».

слоновой кости, из серебра, золота, и на всякие парчовые ткани, — словом, на все, что делает Восток таким роскошным и заманчивым» [8, с. 345–346].

В этот день Бунин и Муромцева посылают короткие открытки Л.Ф. Муромцевой и Н.Д. Телешову, кроме того, Бунин пишет З.И. Гржебину (см.: [с. 3, с. 51]). В дневнике записывает (сначала в 9 часов утра, продолжает, видимо, вечером): «На минарете. Вся грандиозная долина и желто-кремовый город под нами. Вдали Гермон в снегу (на юго-западе). И опять стрижи — кружат, сверлят воздух³⁶. Город даже как бы светит этой мягкой глинистой желтизной, весь в плоских крышах, почти весь слитный. Безобразные длинные серые крыши галерей базара. / Потом ходили по этому базару. <...> / Магазин Nassan'a. / В 3 часа поехали за город. <...> / Большая мечеть — смесь прекрасного и безобразного, нового. Лучше всего, как всюду, двор мечети. Зашли в гости к гиду. / Вечером на крыше отеля. Фиолетовое на Гермоне. Синева неба на востоке мягкая, нежная. / Лунная ночь там же. Полумесяц над самой головой» [7, с. 23]. Вместе с тем впечатления поездки в Баальбек и Дамаск остались в стихотворениях Бунина «Храм Солнца» (судя по авторской дате, оно и написано 6 мая 1907 г.), «Нищий», «Гермон», «Мекам», «Мандрагора», «Закон», «Каин», «За Дамаском» (все они написаны в 1907–1908 гг.), а также в очерке «Храм Солнца».

Ранним утром **8 (21) мая** Бунины и Д.С. Шор уезжают из Дамаска. Их путь лежит в Тивериаду, на берег Геннисаретского озера (другие названия — Тивериадское озеро, Галилейское море). Бунин сначала сидит отдельно, потом подсаживается к своим спутникам и разговаривает с Шором о Куприне, Эртеле (его дочерям Шор давал уроки музыки) и о шампанском (Шор не понимает, как можно тратить на него деньги, а Бунин говорит, что можно). В дневнике он отмечает: «Путь поразительно скучный — голые горы и бесконечная, глинистая долина, камень на камне. Ни кустика, ни травки, ни единого признака жизни». Дорога оказывается долгой и утомительной. Приехав в 6 часов вечера на станцию «близ Геннисаретского <так!> озера, недалеко от истока Иордана», идут пешком. Пейзаж поражает пустынностью и простотой, тропинка выводит на берег озера, «к бледному глиняному селению без всякой зелени» [8, с. 347]. Там они нанимают лодку и плывут в Тивериаду. Вечером Бунин записывает: «Нашли лодку с 4 гребцами (за 10 фр.). Пройдя по

³⁶ Стрижи оказались для Бунина яркой приметой Святой земли, см. стихотворения «Иерусалим» («И мелькали, сверлили стрижи тишину, / И далеко я видел страну»), «Стрижи» и др.

совершенно дикарской и кажущейся необитаемой глиняной деревушке, вышли к озеру. Скромный, маленький исток Иордана. Озеро бутылочного цвета, кругом меланхолические, коричневые в желтых пятнах горы. Шли сперва на веслах, потом подняли парус. Стало страшно — ветер в сумерках стал так силен, что каждую минуту нас могло перевернуть. / В Тивериаде отель Гросмана, оказалось, весь занят. Пошли ночевать в латинский монастырь. После ужина — на террасе. Лунно, полумесяц над головой, внизу в тончайшей дымке озеро. Ночью в келье-номере было жарко. Где-то кричал козленок³⁷) (см.: [7, с. 23–24])³⁸.

Возможно, еще утром **9 (22) мая** Бунин посылает открытку В.С. Миролубову: «Поклон с Тивериадского озера!» [3, с. 51]. Муромцевой нездоровится, но Д.С. Шор уговаривает «проводить его до Табхи и подождать его там до следующего дня» (оттуда он должен был съездить «в какую-то отдаленную сионистскую колонию»). Все вместе они плывут на лодке сначала в Капернаум. «В нем ничего не осталось, кроме развалин знаменитой синагоги», — вспоминала жена Бунина. Сам писатель отмечает в дневнике: «Капернаум. Жарко, сухо, очаровательно. У берега олеандры³⁹. Развалины синагоги. Раскопки. Монах итальянец⁴⁰». Оттуда плывут в Табху, маленькое селение между Капернаумом и Магдалой, Шор уезжает, Бунины останавливаются там в «странноприимном немецком доме», завтракают, отдыхают, вечером идут гулять. Описание плавания по абсолютно спокойному тихому озеру, где рыбачили будущие апостолы братья Петр (Симон) и Андрей, Иоанн и Иаков Зеведеи по водам которого ходил Христос, а потом и самого местечка, куда они прибыли, Бунин заканчивает словами: «Несказанная красота!» [7, с. 24]. Муромцева-Бунина признается:

Пребывание наше в Табхе было самым счастливым временем за все время нашего пути. / <...> Насколько Старый Завет слит с Иудеей, настолько в Галилее и особенно на этом озере понятно Евангелие».

Тем вечером Бунин читает «свои новые стихи, которые он написал

³⁷ Ср. в более позднем (1914) стихотворении «Плакала ночью вдова...»: «Звезды светили, и плакал в закуте козленок».

³⁸ Схожие впечатления, с некоторыми уточняющими деталями, см.: [8, с. 346–348].

³⁹ Ср.: «Когда мы выпрыгиваем из нашего челна на берег, мы ничего не видим, кроме колонн, камней, между которыми коричневыми пятнами выделяется сожженная солнцем трава и розовеет дикий олеандр, с которого я срываю и прячу в путеводитель цветов...» [8, с. 348].

⁴⁰ Ср. образ монаха-францисканца в стихотворении Бунина «Смерть» (см. примеч. 16).

по дороге из Дамаска о Баальбеке⁴¹, и сонет “Гермон”, написанный уже здесь. <...> / Потом он заговорил о Христе:

— Вот в такие самые вечера Он и проповедовал... Надо всегда представлять прошлое, исходя из настоящего... Правда, зелени здесь было больше, край был заселен, но горы были такие же, и солнце садилось все в том же месте, где и теперь, и закаты были столь же просты и прелестны...». Разговор переходит на апостолов: Бунин «больше всего любит Петра за его страстность», Муромцева — Иоанна («как самого нежного»), Бунин думает написать о Фоме, вместе они вспоминают «Иуду Искарюота» Л.Н. Андреева. «За разговорами мы не заметили, как стемнело <...>» [8, с. 348–350].

Весь следующий день, **10 (23) мая**, запечатлен в записи Бунина, сделанной по свежим впечатлениям:

Утром в шесть часов купался. Бродяга с обезьяной. Приехал Шор. В девять выехали из Табхи. Издали видел Магдалу. Дорога из Магдалы в Тивериаду идет вдоль берега. По ней часто ходил Христос в Назарет. Черные козы⁴². / В Тивериаде очень жарко. / После завтрака выехали в Назарет. <...>Подъем, с которого видны все озеро и Тивериада. <...> Перевал и снова подъем. Фавор слева, круглый, весь покрытый лесом. Длинная долина, посеvy. / Кана. Кактусы, гранаты в цвету, фиговые деревья, женщины в кубовых⁴³ платьях. Кана в котловине и вся в садах. Подъем, снова долина, снова подъем, огромный вид на долину назад. Потом котловина Назарета. Отель “Германия”. Мальчик проводник в колпачке на макушке. Церковь и дом Богородицы. Потом лунная ночь [7, с. 24–25].

В воспоминаниях Муромцевой-Буниной проступают дополнительные подробности: радость от свежего солнечного утра, плавание по «тихому, нежно-прозрачному озеру»⁴⁴, остановка в Кане Галилейской, где они «посидели несколько минут в маленьком кабачке,

⁴¹ Очевидно, речь идет о стихотворении «Храм Солнца», см. выше.

⁴² См. примеч. 19.

⁴³ Кубовый — синий густого и яркого оттенка.

⁴⁴ Тут приходится отметить еще один хронологический сбой в тексте Муромцевой-Буниной: следующее за описанием плавания упоминание о ночевке «опять в Тивериадском монастыре», судя по общему контексту и маршруту странствия, едва ли верно [8, с. 350].

выпили кислого вина», и т. д. Далее описан эпизод, который можно считать камертоном всей поездки⁴⁵:

В Назарет мы приехали в тот час, когда стада возвращаются домой <...>

У фонтана женщины в длинных синих рубашках, с платками, ниспадающими до самых пят, наполняли глиняные кувшины водой, ставили их на плечо и медленно, грациозно ступая, расходились по своим домам.

— Здесь ничего не изменилось, — сказал Ян, — вот так и Божья Матерь приносила домой по вечерам воду.

Мы как раз подъехали и остановились около дома Иосифа, где прошли детство и отрочество Иисуса, — темной без двери конуры.

— Да, да, — сказал Ян грустно, — вот на этом самом пороге сидела Она и чинила Его кубовую рубашку, такую же, как и теперь носят здесь. Легенда говорит, что Они были так бедны, что не могли покупать масло для светильника, а чтобы Младенец не боялся и засыпал спокойно, в Их хижину прилетали светляки...

— Удивительно хорошо! — сказала я (см.: [8, с. 350–351])⁴⁶.

11 (24) мая утром — «беглый осмотр Назарета, милого, простого города с очень красивыми детьми и грациозными женщинами» (как пишет о нем Муромцева-Бунина). Дневниковая запись Бунина выхватывает середину дня: «Утром из Назарета. Необъятная долина и горы Самарии. Потом подъем, ехали дубовым лесом. Снова долина и вдалеке уже полоса моря. / Удивительный цвет залива в Кайфе сквозь пальмы. В четыре — на Кармель. Вид с крыши монастыря Ильи, виден Гермон. Лунный вечер, — это уже возвратясь в Кайфу, — ходил за вином» [7, с. 25].

Со своей стороны Муромцева-Бунина пропускает дорогу и подхватывает повествование уже по прибытии: «В Кайфе мы посетили лишь монастырь на Кармеле. Монастырь старинный, большой, с очень строгим уставом. На его вышку женщин не пускают, но и там, где я была, можно было достаточно почувствовать всю ширь, всю мощь, всю красоту Средиземного моря. <...> Тут понимаешь, что пророк Илья был взят живым на небо именно с этой горы в бурю

⁴⁵ Его дальнейшее эхо слышится и в коротком рассказе «Роза Иерихона» (1924), эмблематическом для позднего творчества Бунина.

⁴⁶ Ср. также стихотворения Бунина «Новый храм» (1907) и «Мать» («На пути из Назарета...», 1912).

и грозу...» [8, с. 351–352]⁴⁷. В целом, впечатления последних четырех дней (как и отдельные фрагменты первых дней в Иерусалиме) прослеживаются в очерке Бунина «Геннисарет».

Весь день **12 (25) мая** путешественники плывут на немецком пароходе из Кайфы (Хайфы) в Яффу и, после небольшой остановки там, дальше — в Порт-Саид. В дневнике Бунин пишет: «Рано утром на пароходе. Жарко, тяжелое солнце. До Порт-Саида сто франков. В три часа снова Яффа. Опять Хаим и кривой⁴⁸. Закат во время обеда» [7, с. 25]. Муромцева дополняет: «В Яффе мы — на закате, и море так хорошо, что я не могу оторвать от него глаз, — оно розово-голубое с золотым налетом». В ресторане на пароходе Бунин спрашивает «бутылку кармельского красного вина. <...> / Он говорит, что через вина он познает душу страны» [8, с. 352].

Из Порт-Саида Бунин, Муромцева и Д.С. Шор уезжают днем **13 (26) мая**. Бунин записывает в дневнике: «В час из Порт-Саида, в экспрессе на Александрию. Озеро Мензалех. Вдали все розовое, плоский розовый мираж. В шестом часу Каир — пыльно-песчаный, каменистый, у подножия пустынного кряжа Мокатама». Подробнее — в мемуарах Муромцевой-Буниной: «В поезд мы попадаем как раз к отходу. Едва размещаемся, как он трогается. Поражает скорость: деревья, канал, дома мелькают с удивительной быстротой. На станциях поезд стоит так мало, что Ян чуть было на одной не остался. Вот и настоящая пустыня, <...> ровная, с далекими беспредельными горизонтами». В Каире остановились в «европейски комфортабельном» отеле «Метрополь»⁴⁹. К вечеру, когда спадает жара, Бунин и Муромцева идут гулять, наслаждаются «чистотой, благоустроенностью, блеском, и не только солнечным. Здания, площади, скверы, улицы, извозчики — все говорило о богатстве этого города-оазиса». В какой-то момент Бунин покупает костюм (и даже пишет об этом в дневнике). Потом замечает табачную лавку и, к отчаянью своей спутницы, проводит в ней «чуть не час, нюхая, рассматривая, пробуя разные сорта папирос, сигар, табаку и все покупая и покупая. <...> Наконец, накупив все, что ему казалось заманчивым, он точно пришел в себя и, оглянувшись, неожиданно и весело сказал:

— Однако что же мы такое делаем, поедем лучше к Нилу, закат будет, вероятно, удивительный». — Так и сделали, так и было. «Су-

⁴⁷ Далее в воспоминаниях Муромцевой-Буниной снова идет временная накладка: события следующего дня она описывает как продолжение настоящего («До отхода парохода у нас час времени...» и т. д.). Хронология восстанавливается по дневнику Бунина, см. далее.

⁴⁸ Неустановленные лица, см. примеч. 27.

⁴⁹ Сохранился счет: ОГЛМТ. Ф. 14, № 2945/9 оф.

хой огненный закат, пальма, на мосту огни зеленоватые, по мосту течет река экипажей», — отмечает в дневнике Бунин [7, с. 25]. Это воскресенье, улицы полны нарядных мужчин и женщин. Вечером Бунины отправляются «в арабский театр», смотрят там «лубок с огненными чертями», поздним вечером сидят в кафе, ночью не могут уснуть — душно, мучают москиты и жажда (см.: [8, с. 352–354]).

На рассвете **14 (27) мая** Бунины (вместе со знакомыми Д.С. Шора, неназванной по именам супружеской парой, и, возможно, самим Шором) едут к пирамидам. В дневнике Бунина остаются штрихи на память: «Проснулся в пять. К пирамидам. Туман над Нилом. Аллея к пирамидам — они вдали, как риги, цвета старой соломы⁵⁰. Блохи в могильниках за пирамидами. На возвратном пути Зоологический». В воспоминаниях Муромцевой-Буниной это один их самых протяженных и подробных дней всего путешествия. На нее снова большое впечатление производит город⁵¹, Нил, «иной, чем накануне, — весь в утренних парах», дорога, идущая по мосту через Нил и дальше по аллее.

И вот мы одни у подножья Хеопса <...>. Но ни взбираться на нее, ни осматривать ее внутри мы не решаемся — слишком жарко! Мы обходим вокруг все пирамиды, удивляемся высоте каждого шершавого уступа и всем существом понимаем, что значит «египетская» работа, вспоминаем Баальбек. Затем долго стоим перед сфинксом, очень засыпанным. <...> / Потом идем по пустыне, по слоистым пескам. Становится жарко, песок начинает нагреваться. Ян опасается солнечного удара, но все же идет и идет вперед. Доходим до какого-то могильника. Ян устремляется в него, но очень быстро с криком вылетает оттуда, и я вижу, что весь его светлый костюм — в коричневых точках: это блохи, которые уже немилосердно кусают его. Он быстро скидывает куртку, и я трясу ее что есть мочи, а он то же самое делает с брюками, потом бросается на песок и катается на нем, — хорошо, что никого нет поблизости!

⁵⁰ Ср. в воспоминаниях Муромцевой-Буниной: «Уже в конце аллеи различаем пирамиды. Ян сравнивает их с деревенскими ригами. Издали они не кажутся грандиозными».

⁵¹ «Улицы уже политы: когда мы проезжаем мимо многочисленных скверов, садов, нас обдает воздушной, душистой волной цветников. Встречается рабочий люд в голубых длинных рубахах, женщины с кувшинами на головах, навьюченные всякими овощами ушастые ослики, верблюды, важно идущие своей ныряющей поступью. Иногда обгоняют нас всадники, английские офицеры в белых шлемах, выехавшие на утреннюю прогулку», — последняя деталь, несколько раз варьирующаяся в мемуарах Муромцевой-Буниной, перейдет в стихотворение Бунина «Каир» («Английские солдаты с цитадели...», 1907).

Встретившись со своими попутчиками и выпив «в английском отеле кофе», Бунины на обратной дороге заезжают в зоологический сад. Внимание Муромцевой привлекают «огромные ярко окрашенные бабочки», жирафы, антилопы, фламинго, крокодил. Бунин останавливается «около террариума с маленькими, очень ядовитыми африканскими змейками. Лицо Яна искажается — у него мистический ужас перед змеями, но его всегда к ним тянет, и он долго не может оторваться от них, следя с какой-то мукой в глазах за их извилистыми движениями»⁵². Дневной, раскаленный от солнца Каир кажется безлюдным. Только сейчас Бунины завтракают, потом — «сладкий, благодетельный сон». Около четырех часов дня они вместе с Шором едут в старый Каир («город внушительный, одних мечетей насчитывается до пятисот»). К закату поднимаются «на Цитадель»⁵³, где находятся колодезь Иосифа, мечеть и дворец вице-короля». Впечатления этого вечера определенно отражаются в стихотворении Бунина «Каир» (1907). В его дневнике остается по-своему уникальная запись: «Вечером в цитадели. Новая, но прелестная мечеть. Вид на Каир, мутный и пыльный, ничтожный закат за Великой Пирамидой», — во всех иных случаях великим для Бунина был бы закат. От цитадели, как вспоминает Муромцева-Бунина, они сначала идут пешком, потом берут извозчика, у Эзбекийского сквера отпускают его, Бунин видит еще одну табачную лавку и «опять наслаждается покупкой папирос, табаку в зеленых железных коробках, на крышке которых изображены пирамиды, пальмы и красный закат. Одну такую коробочку, — пишет Муромцева-Бунина, — самую маленькую, мы храним до сих пор, она проделала с нами все пути, и если бы мы потеряли ее, я испытала бы, вероятно, очень горестные минуты...».

⁵² Ср. эпизод лета 1923 г., когда, увидев змею, Бунин от ужаса подпрыгнул так, что перевернулся через голову, см. по этому поводу отдельную запись Бунина: [10, т. 2., с. 114].

⁵³ Каирская цитадель (Эль Кала) — крепость, построена в 1176 г. египетским султаном Саладином (Салах ад-Дином), в течение семи веков была резиденцией правителей Египта. Подробное описание ее посещения см. также у Муромцевой-Буниной: «На Цитадель мы поднялись как раз вовремя, за четверть часа до заката. У ворот нас встречает очень приятный человек в белой чалме и ласково предлагает свои услуги. Он прежде всего ведет нас к колодезю Иосифа, который волнует нас своей древней простотой. В мечеть мы только заглядываем, она в стиле Айя-Софии. Двор ее большой, чистый, выложен мрамором, обнесен высокими стенами, с фонтаном посреди. <...> / Нас тянет к себе западная стена, оттуда открывается вид на весь Каир; сначала мы видим Старый Каир с лесом минаретов, затем Новый, далее Нил, пирамиды, пустыню... / Солнце уже по-летнему садится правее пирамид, надо всем — пыльный золотистый туман. <...> Подле нас английские солдаты в шлемах смотрят на закат с унылыми лицами. О чем думают они?» (последняя деталь прямо попадает в бунинское стихотворение «Каир», см. примеч. 51).

Обед, по обыкновению, вечером, после него Бунины и Шор бродят по городу, снова приходят в Эзбекский сквер, потом сидят в кафе и тщетно пытаются утолить жажду. Это их последний совместный вечер, больше они уже не встретятся⁵⁴ (см.: [8, с. 354–359]).

На следующий день, **15 (28) мая**, утром Бунин и Муромцева садятся на поезд и едут из Каира в Александрию. В дневнике Бунин пишет: «Выехали в семь с половиной часов утра⁵⁵. Равнина. Рамле⁵⁶. Александрия. “Император Николай Второй”. Все загружено русскими богомольцами из Палестины. Та же каюта» [7, с. 25]. Развернутый комментарий к этому конспекту снова находим у Муромцевой-Буниной. Она описывает, как в Александрии они первым делом едут на пароход, — тот же, на котором плыли в Александрию. Их узнают, им рады, отводят им лучшую каюту. Оказывается, что пароход отходит в 4 часа, — Буниным досадно: они могли бы еще посетить Каирский музей. Но теперь есть время в Александрии, и Бунин «предлагает ехать завтракать в ресторан: / — Закажем морской рыбы, кебаб...». После ресторана гуляют по городу, по набережной, которая считается «излюбленным местом прогулок александрийцев», идут к Маяку, вспоминают об обелисках («Оба они увезены — один англичанами, другой американцами»), — Луксорский обелиск, поставленный на площади Согласия в Париже, будет и в эмиграции напоминать им об этом дне [см.: 8, с. 359–361]. Вечером пароход отправляется в путь.

Весь день **16 (29) мая** — путь по морю к Пирею, «полный отдых. Можно целый день лежать в лонгшезе, не нужно никуда спешить, ничего осматривать!» — радуется Муромцева-Бунина. Бунин в дневнике пишет: «Опять эта поразительная сине-лиловая, густая, как масло, вода, страшно яркая у бортов. <...> / Четыре часа. Слева волнист<ые> линии Крита, в дымке. У подножия — светлый туман» [7, с. 25]. Это его последняя из сохранившихся записей и в путеше-

⁵⁴ См. об этом вечере в воспоминаниях Муромцевой-Буниной: «Ощущается некоторая грусть. Наши дороги с Шором расходятся. И хотя не только дружбы, но и желания продолжать знакомство в будущем у нас обоюдно не возникло, — очень уж мы разные люди, — все же было жаль расставаться с ним». В целом, от общения с С.М. и Д.С. Шорами у Муромцевой остается, скорее, доброе впечатление (со старшим из них они впоследствии переписывались), а у Д.С. Шора от Бунина — неприязненное: он увидел «в просвещенном человеке несомненный антисемитизм», что среди всех отзывов современников оказалось исключительным свидетельством подобного рода относительно Бунина. См. фрагменты из «Воспоминаний» Д.С. Шора в: [5, с. 656].

⁵⁵ В поезде у Бунина происходит скандал с феллахом (местным деревенским жителем), занявшим его место, — подробное описание и шумной ссоры («Ян пришел в такой гнев, какого я еще никогда у него не видала <...>»), и самой дороги см. в воспоминаниях Муромцевой-Буниной.

⁵⁶ Видимо, название отеля «Royal Jewel Al Raml» в Александрии.

ствии, и вообще за весь 1907 год. В глазах его жены и спутницы Бунин и на пароходе предстает увлеченным и деятельным: он «не может долго сидеть на одном месте, <...> то и дело спускается на нижнюю палубу к паломникам. Со многими он подружился, передает мне свои с ними разговоры в лицах, затем опять куда-то убегает». Затем опять возвращается, и они говорят о Египте, о Г. Масперо⁵⁷, о том, как хорошо было бы снова поехать в Египет, «только, конечно, зимой». Произносит слова, которые могут считаться лейтмотивом всех его странствий: «<...> всякое путешествие очень меняет человека». «Мы долго сидели на носу в эту ласковую звездную ночь, — вспоминает Муромцева-Бунина. — Все уже давно стихло, а нам все еще не хотелось расставаться с тем, что дает летняя ночь в тихую погоду в южных морях...» [см.: 8, с. 361–362].

17 (30) мая пароход ненадолго пристает в Пирее. Доехать до Афин нет времени, Бунин и Муромцева берут лодку, и та перевозит их через бухту к набережной, которая «уже накалена, улицы пусты и грязны». Путники оказываются одни в кафе, где просят принести им «мастики, красного вина, которое здесь называется черным...». Когда корабль выходит из порта, снова видят Акрополь, и Бунин «различает каждую колонну»⁵⁸. Плывут мимо Архипелага, и Бунин «опять восхищается сухостью и пустынностью островов», вспоминает П. Лоти («Редко кто умеет передать душу страны, дать правильное представление о ней»), советует Муромцевой прочитать его описание путешествий в Иерусалим⁵⁹ (см.: [8, с. 362]). Они вместе долго любуются закатом, краски которого (претворившись из закатных в рассветные), вполне возможно, отразятся позже и в стихотворении «Эллада» («Меж островов Архипелага...», 1916)⁶⁰.

Пройдя Дарданеллы на рассвете, когда путники еще спали, пароход к вечеру **18 (31) мая** прибывает в Константинополь. Днем Бунин читает Саади, на ночь они с Муромцевой остаются на корабле. «Ночь была нежная, звездная, с темно-синим небом. <...> На этот раз мы

⁵⁷ Вероятно, Бунин имел в виду книгу французского египтолога Гастона Масперо «Древняя история народов Востока» (М.: К.Т. Солдатенков, 1895), см.: [11].

⁵⁸ Ср. в стихотворении Бунина «В Архипелаге» (1908): «Запомнил я лишь ряд колонн да небо».

⁵⁹ Вероятно, речь шла об одном из изданий: *Лоти П.* Иерусалим. Дневник путешествия / 2-е изд. СПб.: Н.Ф. Мертц, 1897. 104 с.; Иерусалим. Из путевых очерков Пьера Лоти / в пер. А.М. Ласкеева. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1898. 116 с. Муромцева-Бунина вспоминает, что, когда в марте 1910 г. они окажутся в Алжире, город «поразил красотой, мы знали его по Лоти, которого очень ценили и любили. Ян всегда повторял: / — Как он умеет передать душу страны! Редкий писатель!» [8, с. 486–487].

⁶⁰ См. также примеч. 12 и 58.

долго сидели на палубе и молча слушали то соловьев, то легкий плеск воды, смотрели то на лес мачт, с топазовыми топовыми огнями, то на зеленые и красные фонари на пароходах, то на чуть видный силуэт Стамбула, усеянный звездами» (см.: [8, с. 362–363]).

Следующий день, **19 мая (1 июня)**, путешественники проводят в Константинополе. Утром они садятся «на колесный маленький пароходик, похожий на те, что ходили у нас по Неве», плывут по Босфору в Скутари («Скутари со своими мрачными кипарисами не соответствует радостному, с легким ветром, утру»), завтракают в ресторане на берегу, любуются «всей сказочной жизнью Босфора». Потом идут «к знаменитому кладбищу», бродят и сидят «у чьих-то могил» и почти доходят «до приюта прокаженных». Вечером на корабле Бунин рассказывает о мусульманских обычаях: «в Скутари, например, муэдзин возносит молитвы за страдающих бессонницей», и Муромцева вспоминает его стихотворение «Тэмджид»⁶¹ (см.: [8, с. 363–364]).

В полдень **20 мая (2 июня)** пароход отправлялся дальше. До его отплытия Бунину и Муромцевой снова «страстно захотелось побывать в Айя-Софии», там их внимание «привлекают восемь порфиновых колонн из Баальбека». Потом они идут на другой берег бухты Золотой Рог в Галату, на почте забирают письма от родных и знакомых — читают их уже в своей каюте перед завтраком. «Медленно и плавно» пароход идет по Босфору, Стамбул удаляется, скоро уже не видно и берегов. К Муромцевой приходит осознание того, как глубоко изменится теперь ее жизнь рядом с Буниным. Путешествие заканчивается. «Завтра Одесса, а там Москва, и тот мир, в котором я жила полтора месяца, канул в вечность» (см.: [8, с. 364–367]).

Ночью корабль сильно качает, но к утру море успокаивается. Днем **21 мая** пароход прибывает в Одессу. Бунины останавливаются в «Петербургской гостинице», встречаются с Нилусом и Куровским, общий обед проходит «в смехе, в беспорядочных расспросах друг друга, в рассказах об общих знакомых». Бунин много рассказывает о поездке. Как и накануне путешествия, день заканчивается «у Брунса» (см.: [8, с. 367–369]).

На другой день, **22 мая**, Бунин, Муромцева и Нилус едут на дачу Федорова за Большой Фонтан. «Сообщение на паровике, который, после некоторых первых станций, идет между дачами, с большими

⁶¹ В книге «Жизнь Бунина» Муромцева-Бунина вспоминала, что этот обычай — «молитва о тех, кто в эту ночь страдает бессонницей» — «восхищал Ивана Алексеевича, и он часто вспоминал о нем в свои бессонные ночи в последние годы своей жизни», и при этом полностью приводила текст стихотворения [8, с. 228–229].

<...> садами, мимо просек, в глубине которых синее море». «Я очень люблю это место, хорошо бы провести здесь лето», — сказал Бунин еще накануне, только завидев с корабля одесский берег. У Федоровых Муромцевой очень понравилось, но там пробыли недолго — в городе к обеду ждал Куровский, устроивший «очень радушный прием» (см.: [8, с. 368–370]).

Утром **23 мая** Бунин и Муромцева берут извозчика, проезжают «через весь город, по Маразлиевской улице с красивыми особняками одесских аристократов, по Французскому бульвару» и т. д. — в Аркадию, там и завтракают: «Нам дали чудесную кефаль с соусом тартар, затем киевские котлеты. Вино “Кристи” <...> / После завтрака мы долго сидели на камне и смотрели на море — ведь вечером мы уезжаем». Вечером они на поезде уезжают из Одессы в Киев (см.: [8, с. 370–371]).

На другой день, **24 мая**, — остановка в Киеве. «На этот раз — Владимирский собор» (открыт в 1896 г.), в котором как раз кончалась обедня, и Бунин «долго стоял перед Страшным судом Васнецова». Потом — «к памятнику Владимиру, чтобы взглянуть на Днепр», и «завтрак в маленькой ресторан-кофейне — фаршированная щука, кофий, мазурки⁶², — и возвращение пешком на вокзал по веселым улицам среди хорошеньких и изящных женщин под разноцветными зонтиками», в поезде — обсуждение планов на лето (см.: [8, с. 371]).

25 мая — возвращение в Москву. Тем же днем, оставив молодую жену ее родным, Бунин уехал в деревню к матери.

Среди планов, которые Бунин и Муромцева обсуждали на обратном пути в Москву 24 мая 1907 г., еще не было и не могло быть планов третьего, самого длительного путешествия на Восток. Оно началось в Одессе 15 декабря 1910 г. и продлилось до 6 апреля 1911 г.

Общий маршрут поездки был таков: Одесса — Константинополь — Бейрут — Порт-Саид — Суэц — Каир — Хелуан — Каир — Луксор — Асуан — Луксор — Фивы — Хелуан — Каир — Хелуан — Порт-Саид — Исмаилия — Порт-Саид — Джибути — Коломбо — Канди — Нурилья — Анурадхапура — Коломбо — Порт-Саид — Константинополь — Одесса⁶³. Обдумывая будущее странствие, Бунин

⁶² Имеются в виду сухие печенья-пирожные.

⁶³ См.: [6, с. 74–96].

надеялся доплыть до Японии⁶⁴, но обстоятельства пути ограничили эти планы, и конечным пунктом путешествия стал Цейлон.

Из уже виденных в 1907 г. городов в него входят Константинополь, Бейрут, Порт-Саид и Каир, три первых — неперенные порты на пути следования, и только в Египте Бунины проводят значительно больше времени, чем в прошлое путешествие и чем они рассчитывали провести в этот раз: ждали парохода Добровольного флота, но тщетно — пришлось плыть дальше на другом. Прямых свидетельств тех дней сохранилось немного, ни в сохранившихся дневниках Бунина, ни в дневниках и воспоминаниях Муромцевой-Буниной синхронных впечатлений поездки нет. До нас дошли только несколько писем, написанных из Константинополя и Бейрута (следующие — уже из Египта, по пути на Цейлон и из Коломбо). О том, что делали Бунины в Константинополе, там нет ни слова, про Бейрут — только одно предложение в письме Бунина брату Юлию от 5 января 1911 г. (23 декабря 1910 г.): «Ни один самый лучший день нашего лета не сравнится с этими двумя днями, что мы в Бейруте. И говорят, что почти месяц — изо дня в день такая погода здесь. Нынче идем в Порт-Саид» [3, с. 161].

Если во время палестинского путешествия 1907 г. Каир и Александрия оказались, в общем, дополнением к главной цели паломничества, то сейчас Каир, Нил, пустыни Нубии стали прологом к дальнему плаванью к пределам Азии. Единственный относящийся к этой поездке очерк «Город Царя Царей», написанный в 1925 г., был посвящен Цейлону. В издании книги «Тень Птицы» 1931 г. он замыкал собой повествование о странствиях Бунина по миру Востока.

В одном из интервью (данном во время своего турне по Югославии в августе 1937 г.⁶⁵) Бунин сказал, что был в Константинополе 13 раз. Так ли это? Посчитаем. Первый раз определенно — в апреле 1903 г. Второй и третий — в ходе путешествия в апреле–мае 1907 г. (на пути из Одессы и в Одессу соответственно). Четвертый и пятый — на обратном пути из Италии в апреле 1909 г. и в мае 1910 г. (туда Бунины, по всей видимости, оба раза ехали на поезде через Вену). Шестой и седьмой — во время своего самого дальнего путе-

⁶⁴ См.: [11, с. 938–939]. Во время пребывания в Константинополе 17–18 декабря 1910 г. Бунин пишет два письма М.Ф. Андреевой и А.М. Горькому — прежде всего потому, что они ждали его и Муромцеву на Капри и не знали об изменившихся планах своих друзей. В одном из них только что, видимо, составленный план путешествия: «Плывем мы теперь на Бейрут, из Бейрута — в Порт-Саид. В Порт-Саиде простимся с “Владимиром” и поедим в Каир, Луксор, Ассун — аж до Хартума в Нубии. В Порт-Саиде надеемся вернуться к самому концу января, к пароходу Добр<овольного> флота, выходящему из Одессы 25 янв., и двинемся на Цейлон, Японию» [3, с. 160].

⁶⁵ См.: [1, с. 317].

шествия на Цейлон 1910–1911 гг., дорога в любом случае шла через Константинополь. Восьмой — на обратном пути из Италии в феврале 1912 г. (туда опять же ехали на поезде через Берлин и Швейцарию). Девятый и десятый — в начале лета 1913 г., когда вместе с братом Юлием Бунин «недели две» путешествовал по Черному морю, Дунаю и Малой Азии (см.: [3, с. 278])⁶⁶. Одиннадцатый и последний раз Бунин был в Константинополе в феврале 1920 г., по дороге из уже охваченной большевистским пламенем Одессы в эмиграцию. Если представить себе, что для тех заграничных путешествий (1909, 1910, 1912 гг.), когда Бунин возвращался в Россию через Константинополь, он посчитал его дважды (как если бы не ехал на поезде, а плыл из Одессы), а два близких по времени посещения июня 1913 г., которые пришлось на недолгое путешествие по «ближним странам», счел за одно, то получится искомое число 13.

Когда 13 февраля 1920 г. пароход «Спарта» подходил к Константинополю, Бунин, по словам его жены, был «в каюте, он даже не захотел взглянуть на столь любимый им город»⁶⁷. Константинополь, некогда открывавший Бунину путь во все стороны света, теперь закрывал собой ворота России.

Литература

1. *Бабореко А.К.* Бунин. Жизнеописание. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. 457 с.
2. *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.
3. *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. С.Н. Морозов; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 830 с.
4. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Худож. лит., 1965–1967.
5. *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина.* М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1 (1870–1909) / сост. С.Н. Морозов. 944 с.
6. *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина.* М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2 (1910–1919) / сост. С.Н. Морозов. 1184 с.
7. *Литературное наследие.* М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: в 4 кн. Кн. 2 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов.
8. *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. 512 с.

⁶⁶ В Константинополе они были дважды, 4 (17) и 10–11 (23–24) июня 1913 г.

⁶⁷ *Дневник В.Н. Буниной*, 13 февраля 1920 г. РАЛ (Русский архив в Лидсе). MS 1067/370.

9. Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Палестина: К постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). С. 131–140. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00072

10. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / под ред. М. Грин: в 3 т. Frankfurt am Main: Посев, 1977–1982.

11. Шавлинский М.С. «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двнятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 934–952. (Академический Бунин; 3). <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-934-952>

Research Article and Publication of Archival Documents

Ivan Bunin's 1907 Palestine Journey: Chronicle and Context

© 2022. Tatiana M. Dvinyatina, Sergey N. Morozov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-41004 “Ivan Bunin and Palestine.”

Abstract: This article develops the theme expounded in the authors’ research published above. It contains a detailed reconstruction of the chronicle of Ivan Bunin’s main pilgrimage through Palestine in April–May 1907. Using all available documentary evidences, the authors of the article make an attempt to reveal the concrete texture of the days when Bunin and Vera Muromtseva spent on their “first distant voyage and honeymoon, which was at the same time a pilgrimage to the Holy Land of Our Lord Jesus Christ” (“The Rose of Jericho”). The article also shows how the immediate impressions of that journey are reflected in Bunin’s works and what traces it left in his artistic and personal outlook. The research differs from many studies on the Oriental theme in Ivan Bunin’s *œuvres* by being primarily biographical and factual in nature.

Keywords: I.A. Bunin, Palestine, biography, travel, “The Temple of the Sun” (1917).

Information about the authors: Tatiana M. Dvinyatina — DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-6910>

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Sergey N. Morozov — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

For citation: Dvinyatina, T.M., Morozov, S.N. “Ivan Bunin's 1907 Palestine Journey: Chronicle and Context.” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 2 (24), pp. 64–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-64-94>

References

1. Baboreko, A. *Bunin. Zhizneopisanie [Bunin: A Biography]*, 2nd ed. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 457 p. (In Russ.)
2. Bunin, I.A. *Pis'ma 1885–1904 godov [Letters. 1885–1904]*, ex. ed. by O.N. Mikhaylov, ed. and comm. by S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 768 p. (In Russ.)
3. Bunin, I.A. *Pis'ma 1905–1919 godov [Letters. 1905–1919]*, ex. ed. by O.N. Mikhaylov with the help of S.N. Morozov, ed. and comm. by S.N. Morozov, R.D. Davies, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IWL RAS Publ., 2007. 830 p. (In Russ.)
4. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii: v 9 t. [Collected Works: in 9 vols.]*, ed. by A.S. Miasnikov, B.S. Riurikov, A.T. Tvardovsky. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965–1967. (In Russ.)
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [The Chronicle of Ivan Bunin's Life and Works]*, vol. 1: 1870–1909 [1870–1909], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)
6. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [The Chronicle of Ivan Bunin's Life and Works]*, vol. 2: 1910–1919, [1910–1919], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)
7. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 110: I.A. Bunin. *Novye materialy i issledovaniia: v 4 kn. [I.A. Bunin. New Materials and Research: in 4 books]*, book 2, comp. O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 992 p. (In Russ.)
8. Muromtseva-Bunina, V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu [The Life of Bunin. Conversations with Memory]*, ed. and comm. by A.K. Baboreko. Moscow, Vagrius Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)
9. Ponomarev, E.R. “I.A. Bunin i Palestina: K postanovke problemy” [“I.A. Bunin and Palestine: On the Formulation of the Problem”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (54), 2020, pp. 131–140. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00072 (In Russ.)
10. Grin, M., editor. *Ustami Buninykh. Dnevnik Ivana Alekseevicha i Vera Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: v 3 t. [By the Bunins. Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other Archival Materials: in 3 vols.]*. Frankfurt am Main, 1977–1982. (In Russ.)
11. Shavlinsky, M.S. “Khram Solntsa' I.A. Bunina — neokonchennyi proekt osvoeniia Vostoka” [“The Temple of the Sun' by Ivan Bunin: an Unfinished Project for the Exploration of the East”]. *Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva [Ivan Bunin and his Time: Context of Life — History of Work]*, ex. ed. by T.M. Dvinyatina, S.N. Morozov, ed. by A.V. Bakuntsev, E.R. Ponomarev, series: Academic View on Bunin. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 934–952. <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-934-952> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.03.2022
 Одобрена после рецензирования: 11.04.2022
 Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 01.03.2022
 Approved after reviewing: 11.04.2022
 Date of publication: 25.06.2022